

ДИСКУССИИ

© А. Г. ИСАЧЕНКО

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГЕОГРАФИИ: ОТ РЕВИЗИИ ДОСТИГНУТОГО К «НЕОЛАНДШАФТОВЕДЕНИЮ»

Переоценка ценностей, характерная для постсоветского периода, захватила и географическую науку. Удобным поводом явилось приближение рубежа между XX и XXI вв., совпавшего со сменой двух тысячелетий нашей эры. Результатом первой пробы пера географов в этом направлении было сочинение В. С. Преображенского и Т. Д. Александровой [13] — довольно поверхностный и субъективно-тенденциозный обзор важнейших, с точки зрения авторов, событий истории отечественной географии с 1890 до 1989 г. Но авторы этим не ограничились и поставили перед собой более амбициозную задачу: подвести итоги истории мировой географии за последнее столетие [14]. Впрочем, практически речь идет не о мировой географии, а лишь о географии в пяти странах — США, Великобритании, Германии, Франции и России. Но главный порок этой работы состоит в методике подбора исходной информации и ее обработки. Подробнее результаты этого исследования уже анализировались в «Известиях РГО» [6], но сейчас приходится возвращаться к работе В. С. Преображенского и его соавторов, поскольку у них появились последователи во взглядах на историю и сущность отечественной науки о ландшафтах.

Суть методики авторов упомянутого сочинения [14] сводится к классификации по странам и годам названий монографий, содержащих в себе одно из нескольких «ключевых слов». К последним отнесены *география*, *место*, *пространство*, *страна*, но отсутствует *ландшафт* и ряд других понятий, без которых не обходится современная география. При таких условиях из каких-либо расчетов выпадают труды В. В. Докучаева, у которого не было ни монографий, ни статей с «ключевыми словами» в названиях, и многих других географов-классиков и современников, в том числе Г. Ф. Морозова, С. С. Неуструева, ряд выдающихся работ Л. С. Берга, В. Н. Сукачева, Б. Б. Полюнова, В. Б. Сочавы и др. Кое-где авторам пришлось нарушить этот принцип и «в порядке исключения» назвать несколько классических работ «изгоев». Зато у них не было проблем с современными американскими авторами, не слишком сильно задумывающимися над смыслом слова *geography*. Подсчет очков, набранных каждой из 5 избранных стран, позволил утверждать превосходство англо-американской географии над всеми остальными национальными географическими школами.

С другой стороны, авторы сомневаются в принадлежности к географической науке гидрологии, почвоведения, биогеографии [14]. Практически в их

обзоре мировой географии отсутствует океанология или география океана, лишь против геоморфологии и климатологии нет прямых возражений. Однако О. В. Грицай идет дальше и призывает к полному усекновению природоведческих отраслей географии [2, 3]. Зато наших реформаторов привлекает безбрежное поле гуманитарных или социальных явлений. А отсюда не удивительно настойчивая рекомендация учиться у американских географов. Российской-советской географии отводится роль аутсайдера, который в первой трети XX в. плелся в хвосте германской науки, а в остальные годы столетия — у англо-американской ([13], с. 86).

Необходимо напомнить, что самооценка британских и особенно американских географов прошлого столетия не во всем совпадает с восторженными отзывами их российских поклонников. Здесь можно было бы привести немало их высказываний на этот счет. Некоторые красноречивые признания приведены в [6] на с. 27—28.

Оценку научного уровня советских географов со стороны рассматриваемых «реформаторов» нельзя назвать иначе как оскорбительную. Они договорились до якобы «деинтеллектуализации» отечественной географии. Ей будто бы присущи региональный изоляционизм и иные недостатки, определившие ее общее отставание от мировой географии. Вряд ли есть необходимость подробно опровергать нелепость такой характеристики. Но после чтения подобных сочинений остается чувство стыда и ответственности перед теми, кто отдал все силы созданию советской географии, но уже не может дать отпора клеветникам. Что касается ландшафтоведения, то В. С. Преображенский с соавторами не сочли его достойным своего внимания. Все, что о нем сказано, сводится к двум тезисам: 1) учение о ландшафте классики русского ландшафтоведения заимствовали у немецкого географа начала XIX в. О. Шлютера ([14], с. 38—39); 2) отечественное учение о ландшафте и докучаевское учение о зонах — две разные концепции, и вторую из них развивал А. А. Григорьев в связи с учением о географической оболочке.

Неловко доказывать, что все это противоречит общеизвестным историческим фактам. Л. С. Берг неоднократно подчеркивал, что наши представления не имеют ничего общего со взглядами немецких географов и ведут свое начало от Докучаева. Первое определение науки о ландшафтах сформулировано в 1913 г. Л. С. Бергом одновременно в тесной связи с первой картой *ландшафтных зон* России. Далее, известно, что А. А. Григорьев выдвинул идею о географической оболочке в 1926 г. и ландшафтами никогда не занимался. Наконец, в 1940 г. С. В. Калесник убедительно объяснил, что учения о ландшафте и о географической оболочке — неразделимые ветви одной науки — современной физической географии.

Одновременно с авторами из Института географии РАН со своей версией ревизии истории отечественной физической географии выступил Н. М. Дронин [5]. У этого автора вся история науки на протяжении первой половины XX в. сводится к серии компромиссов между двумя якобы несовместимыми направлениями — ландшафтоведческим и землеведческим, а главным «соглашателем» оказывается С. В. Калесник. Принцип компромисса преследует автора при попытках объяснить пути преодоления теоретических расхождений на пути формирования единой концепции комплексной физической географии. Современное понятие о ландшафте, по словам Н. М. Дронова, есть

результат «внутринаучного политического компромисса между ландшафтоведением и „процессуальной” теорией» ([5], с. 24); да и вся история ландшафтоведения — сплошная цепь компромиссов (там же, с. 190).

В. Н. Солнцев в послесловии к книге Н. М. Дрониной верно заметил, что ее автор не учел значения работ русских географов середины XIX в., в которых надо искать истоки ландшафтоведения, а также ряда последующих исследований и влияния социально-экономических условий; в интерпретации Дрониной ландшафтоведение «двигали интеллектуальные игры профессоров и доцентов» [5]. Нельзя не добавить, что методологические основы учения о ландшафтах Н. М. Дронин нашел у А. Геттнера, который, как известно, не признавал ландшафтоведения. А представители школы В. В. Докучаева относились к ландшафтоведению будто бы всего лишь «сочувственно» (там же, с. 68).

Н. М. Дронин, не разобравшись в закономерностях эволюции физической географии, пришел к заключению, что в конце 1950-х гг. ситуация в советской физической географии окончательно запуталась ([5], с. 188). Нелепость такого вывода очевидна, она опровергается общеизвестными фактами, нашедшими исчерпывающее отражение в научной географической печати.

В 1947—1948 гг. в Москве развернулась дискуссия по физической географии, в которой теоретические расхождения во взглядах перемешивались с ведомственно-корпоративными интересами участников, с одной стороны, сотрудников Института географии АН СССР, а с другой — географического факультета МГУ (подробнее см. [7]). Однако за столкновением двух соперничавших группировок и отдельных амбициозных ученых стояли более глубокие теоретико-методологические расхождения между физикогеографами. И лучше всех это понимал С. В. Калесник. Его целью было не примирение враждующих групп, а внедрение идеи единства общего землеведения и ландшафтоведения как двух взаимосвязанных разделов комплексной физической географии.

В 1951 г. в Ленинграде состоялось совместное заседание отделений физической и экономической географии ВГО, на котором С. В. Калесник подвел итоги «московской дискуссии», дал должную оценку выступлениям представителей обоих направлений и четко сформулировал принципы физической географии как единства ландшафтоведения и общего землеведения [12]. Через несколько лет точка зрения С. В. Калесника получила всеобщее признание.

С новой ревизией отечественного ландшафтоведения выступил Е. Ю. Колбовский в «Известиях РГО» [11]. Статья вызвала ответную реакцию со стороны Г. А. Исаченко [10] и А. В. Хорошева [15]. Оппоненты дали обстоятельную критику «неоландшафтоведению» Е. Ю. Колбовского, и с ними можно полностью согласиться. Однако представляется целесообразным обратить внимание на выступление этого автора с более широкой методологической точки зрения, имея в виду существующую тенденцию к ревизии научных результатов, достигнутых географами за многие предшествующие десятилетия. Е. Ю. Колбовский во многом пошел дальше других, дойдя до своего рода ландшафтного нигилизма, т. е. отрицания ландшафта как объекта реальности.

В суждениях Е. Ю. Колбовского трудно найти строгую логичность. Они начинаются с, казалось бы, довольно частного вопроса о применении дости-

жений отечественного ландшафтоведения в так называемом ландшафтном планировании [4]. «Неуспех» применения ландшафтного подхода к ландшафтному планированию оказывается главным критерием якобы несостоятельности современного учения о ландшафте. По логике Е. Ю. Колбовского получается, что тем хуже для традиционного, или «классического», ландшафтоведения, и его надо заменить «неоландшафтоведением», адаптированным к целям ландшафтного или территориального планирования.

Напомню, что в СССР существовала разветвленная государственная система территориального планирования и что ландшафтовики имели к ней самое прямое отношение. Формы участия ландшафтоведов и применения ландшафтного подхода к мероприятиям по территориальному планированию были многообразными [8, 9]. Здесь лишь ограничусь краткой ссылкой на личный опыт: с середины 1960-х гг. у ленинградских ландшафтоведов буквально не было отбоя от заказов на ландшафтные исследования со стороны плановых и проектных учреждений самого разнообразного профиля. В течение почти трех десятилетий мне довелось участвовать в разработке ТЭО генерального плана развития Ленинграда (вместе с его пригородной зоной), предложений по рациональному использованию территориальных ресурсов бассейна Ладожского озера и Северо-Запада РСФСР, территориальной планировке административных районов (районной планировке), создании системы особо охраняемых территорий Ленинградской области и др.

В постсоветский период возможность подобных исследований резко ухудшилась, но не исчезла,¹ и ландшафтовики (в том числе петербургские) не прекращают работ в этом направлении. Одно из свидетельств — недавно изданный «Атлас особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга» [1].

Значительная часть статьи Е. Ю. Колбовского посвящена проведению границ между территориальными выделами — «проблеме», имеющей второстепенное значение для современного ландшафтоведения. При этом автор рассуждает о ландшафтоведении на уровне давно забытых представлений 60-летней давности о дискретности ландшафтных границ. Идея резких, «линейных» границ, присущая начальной стадии развития школы Н. А. Солнцева, — анахронизм, опровергнутый еще в начале 1950-х гг. выступлениями А. Д. Арманда, С. В. Калесника, В. Б. Сочавы и других, и особенно в практике полевой ландшафтной съемки и составления ландшафтных карт. С тех пор принцип континуальности, а точнее единства континуальности и дискретности, стал входить в ландшафтоведение и без особого афиширования является общепринятым. Но Е. Ю. Колбовский как будто этого не заметил и продолжает воевать с ветряными мельницами. Он признает наличие разных школ в ландшафтоведении, но не видит того, что они ушли далеко от ограниченности школы Н. А. Солнцева.

То, что современное ландшафтоведение — достаточно развитая теоретическая отрасль географии, целью которой является всестороннее познание особого рода *территориальных систем*, не интересует Е. Ю. Колбовского с его утилитаризмом. Между тем он берет на себя труд указывать ландшафтоведом путь выхода из мнимого кризиса. Согласно автору, причину недостатков ландшафтоведения (то есть, с его точки зрения, неадекватности по-

¹ В Градостроительном кодексе Российской Федерации (2004 г.) есть рубрика «Планировка развития территории», но подробного разъяснения задач и подходов нет.

требностям ландшафтного планирования) он усматривает в материализме, навязанном советским ученым (с. 50). Но фундаментальные принципы отечественного ландшафтоведения ведут свое начало от наших классиков досоветского времени, когда никто никому материализма не навязывал. Тем не менее Е. Ю. Колбовский считает, что альтернативой и панацеей от всех бед для ландшафтоведения должна стать западная философия. Он называет несколько имен (А. Бергсон, Г. Бейтсон и др.), однако не объясняет, какие конкретные идеи или постулаты имеют реальное значение для перестройки ландшафтоведения. Он лишь надеется, что эти философы помогут географам понять ландшафт как культурный феномен, созданный человеком. Но давно прошли времена, когда умозрительные философские концепции стояли над наукой, определяли ее методологию.

С развитием экспериментального естествознания философия и наука как бы поменялись местами: новые достижения науки неизбежно вынуждали философов пересматривать свои представления о мире; их идеи и постулаты наука может воспринимать лишь после основательной верификации. Я как географ могу принять взгляды философов разных времен независимо от их принадлежности тем или иным школам и направлениям, например Гераклита, Декарта, Энгельса, если они согласуются с научным опытом и выводами географии. Но мне будет трудно навязать взгляды философов, никогда «не нюхавших» географической науки. Современная география дает богатый материал для философских обобщений в отношении роли пространства. Мировая философия выработала важные постулаты о всеобщей взаимосвязи явлений, о единстве и борьбе противоположностей, о развитии во времени. Но не получил должной оценки фактор пространства, хотя на этот счет есть интересные, но отрывочные соображения у Энгельса. Но это — особый вопрос, обсуждение которого увело бы нас далеко в сторону.

Выражение «эпистемологический анализ феномена», вынесенное автором статьи в ее название, несомненно должно было заинтриговать читателя: ничего подобного в истории нашего журнала не бывало. Но читатель будет разочарован: никакого эпистемологического анализа в статье нет. Да он и не очень был нужен автору: достаточно было отказаться от материализма и сослаться на имена некоторых философов, чтобы сделать сенсационное заявление: «В окружающей нас реальной действительности нет никаких „природных ландшафтов“, а есть экосистемы...» ([11], с. 61). Это заявление послужило для автора основным исходным постулатом для создания «неоландшафтоведения». Как известно, «классическое» ландшафтоведение никогда не отрицало понятие об экосистеме, но проводило ясную грань между нею и ландшафтом, суть которой кратко сформулировал В. Б. Сочава: экосистема есть *парциальная* система по отношению к ландшафту.

Как бы то ни было, но логически из приведенного заявления автора следует, что предметом «неоландшафтоведения» должна служить экосистема. Однако из последующих довольно путаных и неубедительных суждений выходит, что этим предметом является культурный ландшафт. Но современная неразбериха и произвол в представлениях о так называемом культурном ландшафте сводят на нет все старания по строительству «неоландшафтоведения». Е. Ю. Колбовский забыл (или делает вид, что забыл) факт столетнего существования понятия о культурном ландшафте в «классическом» ландшафтоведении. Его ввел в нашу науку Л. С. Берг в 1913 г. вместе с понятием о географическом ландшафте. Согласно Л. С. Бергу, культурный ланд-

шафт — это природный ландшафт, испытавший воздействие человека, и, как бы он ни был изменен, остается природным. Таким образом, географический ландшафт — понятие родовое по отношению к культурному ландшафту. Этот взгляд разделяли С. С. Неуструев, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Б. Б. Полынов, а позднее также Ю. Г. Саушкин и другие географы. Практически в советской географии такое представление о культурном ландшафте было общепринятым. Одновременно усиливался интерес к изучению антропогенного воздействия на ландшафты. Ф. Н. Мильков ввел понятие об антропогенном ландшафте, практически как синоним культурного ландшафта. Предлагались, в частности С. В. Калесником, варианты классификации, или ранжирования, культурных ландшафтов по степени и характеру их антропогенных модификаций. Не обходилось без острых дискуссий и полемик. Из конструктивных результатов исследований в сфере взаимодействия между человеком и ландшафтом надо отметить концепцию оптимизированного ландшафта как высшей формы культурного ландшафта в самом строгом смысле этого термина. В разработку этой концепции внесли вклад ландшафтоведы разных школ и направлений, которые по иным проблемам могли существенно расходиться. Среди них А. Д. Арманд, В. Б. Сочава, В. И. Прокаев, А. Г. Исаченко, В. А. Николаев. Все то, о чем сказано выше, вошло в учебники, и никакого откровения в себе не содержит, но прошло мимо внимания Е. Ю. Колбовского, чего, впрочем, и следовало ожидать, учитывая его нигилистическую позицию в отношении современного ландшафтоведения.

Однако за последние 20 лет термин «культурный ландшафт» привлек внимание специалистов гуманитарного профиля, в том числе лингвистов, фольклористов, этнологов и в особенности культурологов, которые стали трактовать его весьма вольно и каждый по-своему. Это неизбежно вызвало дискуссии, нашедшие достаточно широкое отражение в «Известиях РГО», что избавляет нас от их подробного изложения. Крайняя культурологическая точка зрения сводится к принятию духовной культуры в качестве критерия культурного ландшафта и полному отрыву последнего от природного субстрата. Дело доходит до того, что к показателям культурного ландшафта относятся художественные произведения, сочиненные в данной местности; культурный ландшафт трактуется и как совокупность памятников культурного наследия; говорят и о его экстерриториальности.

Возникла тенденция трактовать не культуру как некоторый элемент или признак ландшафта, а последний как часть, или элемент, культуры. Некоторые наши неогеографы от культурологии ссылаются на основателя немецкой школы культурного ландшафта О. Шлютера и на видного американского географа К. Зауэра как на своих предшественников. Но подобная ссылка, мягко говоря, некорректна. О. Шлютер рассматривал культурный ландшафт как сочетание различных *материальных* природных и культурных объектов и писал, что человек является *созидающим* фактором в ландшафте ([17], с. 214). Особое внимание он уделял поселениям как фактору, определяющему морфологию культурного ландшафта. Близкий подход мы встречаем и у К. Зауэра [16].

Согласно Е. Ю. Колбовскому (с. 60), лишь некоторые отечественные авторы приближаются к должному пониманию культурного ландшафта. Однако собственного определения культурного ландшафта он не дает, а на с. 63 утверждает, что этот термин избыточный. Здесь он исходит из того, что всякий ландшафт — дело рук человеческих и представляет собой «безусловно

культурный феномен». В то же время из запутанных и противоречивых суждений Е. Ю. Колбовского о «неоландшафтоведении» напрашивается вывод, что единственная реальность, заслуживающая нашего внимания, — это экосистема. В таком случае «неоландшафтоведение» надо рассматривать как науку об экосистемах. Однако с этим вряд ли кто-либо из специалистов согласится. К тому же ландшафтоведение без ландшафтов, будь то с добавлением «нео» или без такового, выглядит несколько странно.

В суждениях Е. Ю. Колбовского трудно найти какие-либо конструктивные научные идеи. Вернее было бы сказать, что эти суждения имеют деструктивный характер. Достаточно того, что он зачеркивает столетнюю историю ландшафтоведения, не найдя в ней ничего достойного внимания. «Классическое ландшафтоведение, — утверждает этот автор, — базируется на научных мифах» (с. 61). Для него географический ландшафт и все, что связано с его изучением (а это достаточно развитая отрасль знания, со своей структурой, понятийно-терминологическим аппаратом, теорией и методологией), — «миф»!

Если уж говорить о мифах, то надо обратиться к так называемому неоландшафтоведению, у которого действительно нет ни научной цели, ни теории, ни методики исследований, а единственной функцией является обслуживание территориального планирования, притом неизвестно, каким образом и какими средствами. Таким образом, нам предлагается отказаться от исторически сложившейся научной отрасли, имеющей широкое теоретико-методологическое и прикладное значение, и перейти к чисто утилитарной квазинаучной деятельности без ясно сформулированных целей и задач.

Позиция Е. Ю. Колбовского по обсуждаемым здесь проблемам говорит о крайней узости его исследовательского кругозора. Он рассуждает так, как если бы окружающее нас географическое пространство ограничивалось балками и оврагами (по поводу чего он сам же иронизирует), да остатками лесов и болот. Для него как географа не существует ни полярных и тропических пустынь, ни экваториальной гилеи, ни высокогорных гольцов и ледников, ни многого другого. Во всяком случае, с его точки зрения, это не ландшафты. Сущность такой позиции коротко можно выразить, перефразируя антитезу известному афоризму Декарта: «Я не мыслю о ландшафте, следовательно он не существует».

Заключение. Отрицать реальность географического ландшафта — значит отвергать философский и научный закон о всеобщей связи предметов и явлений в окружающем мире. Отсюда неизбежно непонимание системной организации земной природы и объективности особых территориальных систем, называемых природными территориальными комплексами, геокомплексами, геосистемами, ландшафтами в широком смысле этого слова, которые уже в течение столетия служат основными объектами изучения в ландшафтоведении.

Нигилистическое выступление Е. Ю. Колбовского совпало со столетием выхода в свет знаменитой работы Л. С. Берга (1913), которую большинство ландшафтоведов считают началом отечественного ландшафтоведения. Именно в этой работе Л. С. Берг дал первое научное определение географического ландшафта, а вместе с ним и культурного ландшафта. В этом совпадении можно видеть и некоторое символическое значение. Оно заставляет серьезно задуматься о состоянии нашей науки, причинах определенного кризиса и дальнейших перспективах. Начало всех начал — объективная оценка того,

что уже сделано. Если бы существовал некий кодекс этики ученого, то его первым требованием следовало бы поставить обязанность знать историю своей науки и уважать труды предшественников. Практически же основная ответственность ложится на высшую школу, а конкретно на подготовку специалистов-исследователей географическими факультетами университетов.

Список литературы

- [1] Атлас особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга. СПб., 2013. 175 с.
- [2] Грицай О. В. Географическая наука на рубеже веков: подведение итогов // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 5. С. 155—157.
- [3] Грицай О. В. Глобализация в мировой науке и национальные традиции в географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 6. С. 7—11.
- [4] Дроздов А. В. Ландшафтное планирование в России: суждения и реальность // Материалы XI Ланд. конф. М., 2006. С. 608—610.
- [5] Дронин Н. М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900—1950-е годы). М., 1999. 232 с.
- [6] Исаченко А. Г. География в двадцатом столетии (о некоторых расхождениях в оценке событий и достижений) // Изв. РГО. 2000. Т. 132, вып. 5. С. 20—31.
- [7] Исаченко А. Г. Страницы истории советской географии. (К 125-летию Л. С. Берга и 100-летию С. В. Калесника) // Изв. РГО. 2001. Т. 133, вып. 1. С. 23—34.
- [8] Исаченко А. Г. Природопользование, ландшафтоведение и ландшафтное планирование // Изв. РГО. 2008. Т. 140, вып. 3. С. 1—16.
- [9] Исаченко А. Г. Территориальное планирование и учение о ландшафте // Территориальное планирование: новые функции, опыт, проблемы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 87—100.
- [10] Исаченко А. Г. Ландшафт между реальностью и конструкцией (размышления по поводу статьи Е. Ю. Колбовского) // Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 2. С. 46—66.
- [11] Колбовский Е. Ю. Существует ли природный ландшафт: эпистемологический анализ феномена // Изв. РГО. 2013. Т. 145, вып. 5. С. 49—66.
- [12] О некоторых теоретических вопросах физической географии // Изв. ВГО. 1951. Т. 83. № 3. С. 308—323.
- [13] Преображенский В. С., Александрова Т. Д. Материалы к истории отечественной географии XX в.: важнейшие события десятилетий (1890—1989 гг.). М., 1994. 92 с.
- [14] Преображенский В. С., Александрова Т. Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. Век XX. М., 1997. 273 с.
- [15] Хорошев А. В. К дискуссии о неоландшафтоведении: детерминированность, полимасштабность, полиструктурность // Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 4. С. 58—69.
- [16] Sauer C. O. The survey method in geography and its objectives // Ann. Assoc. Am. Geogr. 1924. Vol. 14.
- [17] Schlüter O. Die Erdkunde in ihrem Verhältniss zu den Natur und Geistwissenschaften // Geogr. Anzeig. 1920. N 21.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com
Санкт-Петербургский государственный университет

Поступило в редакцию
21 октября 2014 г.